СКЛАД ИЗДАНИЙ КРУЖКА С. В. О. Д.

МОСКВА, Моховая, 22, Студенч. Изд-ство.

---

1. Кружок свободного воспитания и образования детей. Очерк деятельности (1907—1912). М. 1912 г. 36 стр. Ц. 20 к. (распродано).
2. *Л. С. Тезавровская:* Народный Детский Сад Кружка. С 11 рис. М. 1914. 12 стр. Ц. 10 к. (распродано).
3. Детские работы. Серия открыток (6 штук). М. 1914 г. Ц. за серию 25 к. (распродано).
4. Справочник курсов дошкольного воспитания. 1-ое изд. М. 1914 г. 10 стр. Ц. ?.; 2-ое изд. М. 1915 г. 27 стр. Ц. 25 к. (распродано).
5. *К. Н. Вентцель:* Детский дом. М. 1915 г. 8 стр. Ц. 10 к. (распродано).
6. *Н. М. Швайцар:* О вреде елок и подарков. М. 1915 г. 10 стр. Ц. 15 к. (распродано).
7. *Л. С. Тезавровская:* О детском творчестве в живописи. М. 1916 г. 6 стр. Ц. 10 к. (распродано).
8. *К. Н. Вентцель:* Как бороться с милитаризмом. М. 1916 г. 26 стр. Ц. 10 к. (распродано).
9. *Эмиль Верхарн.* М. 1917 г. 14 стр. Ц. 20 к. (распродано).

Новые издания:

10. Ритмика *Жак-Далькроза.* М. 1917 г. 8 стр. Ц. 15 к.
11. *А. Л. Бродский* (преподаватель ун-та Шанявского): Печка без огня (Экономия топлива). С 2 чертеж. М. 1917 г. 4 стр. Ц. 5 к.
12. *Сергей Булыгин:* Довольно крови! М. 1917 г. 8 стр. Ц. 10 к.
13. *К. Н. Вентцель:* Как бороться с милитаризмом. 2-ое изд., дополн. М. 1917 г. 24 стр. Ц. 15 к.
14. *М. К. Вольский:* Война, социализм и международная солидарность. М. 1917 г. 40 стр. Ц. 50 к.
15. *Л. С. Тезавровская:* Бросовый материал. С 16 рис. М. 1917 г. 48 стр. Ц. 75 к.

17

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Падение царской власти.

(Речь простым людям о событиях в России).

ГИНЦ Р
К763б

Инв №69149у

...Израильтяне пришли к Ровоаму и сказали: Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе.

И отвечал царь народу сурово и сказал: Отец наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывалъ вас бичами, а я буду наказывать скорпионами.

...И отвечал народ царю и сказал: какая нам часть в доме Давидовом... по шатрам своим, Израиль!

И отложился Израиль от дома Давидова до сего дня.

(III книга Царств XII. 3—19).

I.

Вступление.

Я живу в Полтаве и здесь мне пришлось пережить 1905 год, когда после народных волнений вышел манифест о созыве Государственной Думы, и нынешний 1917 год, когда пришли известия об отказе царя от престола и в России водворилась революция.

Уже в 1905 году я видел, что простые люди, мало читающие газеты и не умеющие в них как следует разбираться, часто совершенно не понимали, что тогда происходило по всей России. Народ ловил всякие смутные и неверные слухи и готов был доверять всяким подстрекателям. Говорили, что во всем виноваты рабочие, подкупленные не-то японцами, не-то англичанами. Об этом приказано было говорить даже священникам в церквах, но впоследствии эту выдумку само правительство вынуждено было опровергнуть. В юго-западном крае, где много евреев, — „смуту“ приписывали евреям, которые будто бы хотят назначить своего царя. Вообще говорили много небылиц.

В то время многие старались разъяснить простому народу смысл происходивших событий и значение манифеста 17-го октября 1905 года. Вышло много книжек.

В них говорилось между прочим, что за те права, которые царь обещал в манифесте, у всех народов, у одних — раньше, у других — позже, шла великая борьба, и, раз получив их, ни один народ от них уже никогда не отказывался и не отдавал обратно. Такие обещания народам нельзя давать на ветер. Кто сеет такой ветер, тот пожнет бурю. И это оказалось правда: царь не сдержал обещания и не захотел в трудную минуту править вместе с выборными из народа, то-есть с Государственной Думой. Он распустил Государственную Думу 26-го февраля, а через несколько дней после этого потерял престол.

И опять многие жители городских окраин, жители дальних сел, деревень и хуторов не знают, в чом дело, откуда пришло это и куда приведет Россию. Для них эти события — как дальняя гроза: где-то гремит, где-то полыхает молния и дрожит земля... И простые люди спрашивают в тревоге: откуда пришла гроза, что сделалось там, в столицах, может ли земля быть без царя и кто же теперь будет править? И опять появляются тревожные слухи, дурные люди начинают нашоптывать злые слова: на этот раз им уже трудно сваливать все на одних рабочих или на евреев: всем видно, что против царского правительства поднялись все генералы, офицеры, солдаты, рабочие, горожане и даже многие царские чиновники. За Петроградом тронулась Москва, а за Москвой вся земля. Царь, не сдержавший обещаний, уходит. Русская земля остается и берет свою судьбу в собственные руки.

Я хочу рассказать в дальнейшем, как и отчего это вышло, но так как это началось давно и имеет свои корни в нашем прошлом, то нам придется хоть вкратце оглянуться назад.

II.

Дом Романовых.—Вал, отделяющий царей от народа.—Петр Великий и Александр II.—Народные надежды.—Ходоки к царям.

300 лет с небольшим прошло, как в России прекратился дом Рюрика. Законных царей не стало. В

Москве засели поляки, с которыми Россия была тогда в войне. Народу самому пришлось тогда и оборонять государство, и водворять порядок. Народное ополчение справилось с неприятелем, а для водворения порядка был в Москве созван земский собор.

Народ считал, что тогдашняя смута происходила только от того, что прекратился законный царский род: цари стали меняться и спорить о власти. И все думали, что если наследственная царская власть утвердится прочно, тогда все пойдет хорошо. Поэтому земский собор избрал царем Михаила Феодоровича из дома Романовых, и с тех пор сам народ более в правление не вмешивался, ожидая всего от законных царей.

Через сто слишком лет после этого шведский дипломат Мариан, приезжавший в Россию, писал о ней следующее:

„Нет на свете столько недовольных, как в России, где правительство нисколько не заботится о благе народа и где сильные столь безнаказанно притесняют бедных и беспомощных. Недовольных тьма и в столицах, и во всей империи, хотя жалобы слышно лиш в беседах между близкими".

В России тогда царствовала Анна Иоанновна, а всеми делами правил ее любимец Бирон. Его правление памятно чрезвычайной жестокостью и несправедливостью. За всякое слово против него, за попытки жалоб или за простой ропот людей сажали в тюрьмы, пытали, предавали казням. Народ голодал, терпел и молчал.

Мариан говорит, что царица ничего не знала и, что всего хуже, не хотела и не могла знать. Она была совершенно недоступна для своего народа. „До нее никакие жалобы не доходят. *Она окружила себя высоким валом*".

Это было писано в 1738 году. С тех пор утекло много воды, но высокий вал, из за которого до царей не достигал голос народа, неизменно окружал престол Романовых. Это всем известно, русские писатели много говорили об этом и называли этот вал между царем и народом „средостением". Это средостение — временщики, любимцы, приближенные, министры, высшее чиновничество и знатное дворянство.

Русская литература всегда, сколько могла, боролась с ними. Великий поэт Лермонтов писал о них:

„Вы, дружною толпой стоящие у трона,
Свободы, совести и чести палачи!
Стоите вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!"

Простой народ тоже знал это и говорил со вздохом: „До Бога высоко, до царя далеко!"

Но русский народ был народ темный и простодушный; татарское иго надолго задержало его просвещение и государственное развитие. У него не было таких учреждений, какие уже были у других народов. Он не смел рассуждать свободно о правлении царей и ни в чом не винил их. В своих песнях он называл царей „Надежа-государь" и все ждал: когда-нибудь явится такой царь, который догадается раздвинуть окружающий его вал, удалит дурных советников и выйдет ко всему народу. И тогда для России настанет счастие. При каждой перемене царствования у народа эта надежда оживала: вот этот новый царь и будет настоящий народный царь, который выслушает голос своего народа и будет царствовать по правде... Но эта мечта о царской правде неизменно обманывала. Новый царь скоро тоже оказывался окружонным тем же валом. Прежних любимцев сменяли новые, но и новые правили по старому.

Правда, вся даже неграмотная Россия знает имена Петра Великого и Александра II. Петр понял, что России дольше нельзя оставаться во тьме и невежестве, и сильной рукой двинул ее по пути просвещения. Имя Александра II навсегда связано с освобождением крестьян от крепостной зависимости.

Но Петр Великий был человек суровый и жестокий и, не щадя себя, не щадил также своего народа. Роскошные здания основанной им новой столицы стоят на костях десятков тысяч людей, которых он беспощадно сгонял на работы со всех концов земли. Вообще он возвеличил Россию как государство среди других народов и положил начало просвещению, но, более занятый войнами, прямо для своего народа он сделал не так много, как было нужно.

Александр II в начале царствования казался настоящим народным царем. Он освободил крестьян, дал России новые суды и ввел выборные земские и городские учреждения. Но он не довел этого дела до конца. Земские учреждения сделал односторонне сословными с малым представительством крестьян, а в городские Думы попали почти только домовладельцы и купцы. Потом вдобавок он сам как-будто испугался и того, что сделал. Со второй половины царствования он стал портить и умалять дела собственных рук. Скоро вал, о котором говорил Мариан, „средостение", о котором писали русские писатели, сомкнулись опять и окончательно отделили „царя-освободителя" от его народа.

Народ не сразу этому поверил. Кто помнит 70-е и начало 80-х годов прошлого столетия, тот знает, какое множество мужиков с просьбами направлялось тогда к царю. В народе жила вера в царя, который освободил его. Он не хотел поверить, что и этого царя отделили навсегда от народа, что и он скрылся за валом. Деревенские ходоки целыми тучами, как мотыльки на огонь лампы или как морские птицы на фонарь маяка, стремились в Петербург. Там их не допускали к царскому дворцу, ловили, отправляли по этапам.

Я лично в своей молодости встречался в ссылке с такими ссыльными-мужиками из ходоков. В их числе был один, Федор Богдан, крестьянин Радомысльского уезда Киевской губернии, которому удалось хитростью прорваться во время смотра в Москве и подать самому царю Александру II просьбу в собственные руки. Ничего из этого не вышло, а Богдан попал в ссылку в леса Вятской губернии. И он говорил мне:

—Когда я сидел в своей деревне и пахал землю, то думал, что и весь хороший народ сидит дома и спокойно занимается своими делами, а в тюрьмах сидят только дурные люди. А как погнали меня за мою веру в царскую правду по тюрьмам да по этапам, то мне кажется, что и весь хороший народ теперь в тюрьмах и этапах. Кого тут я ни перевидал: и мужики, и студенты, и рабочие, и один член земской управы. Не воры и не мо-

шенники, как я не вор и не мошенник. Вся земля хочет правды, да видно ее опять спрятали.

И у него уже не было веры в царя. Слушали его еще пять таких же ходоков, и у них тоже не было этой веры.

Вообще тогда началась великая ссора у лучших русских людей с лучшим царем из дома Романовых. Всем известно, как печально погиб Александр II. В народе распускались слухи, будто его убили помещики за то, что он отнял у них крепостных. Но это—неправда. Во вторую половину своего царствования он удалил от себя всех прежних советников, которые с ним работали над делом освобождения. Они говорили ему, что нельзя останавливаться на полпути, надо вести дело освобождения дальше. Но он не послушал их и приблизил к себе врагов освободительного движения, которые старались изо всех сил вернуть что только можно из старого. Царь, сделавший смолоду много хорошего, захотел остановить великий народ, двинувшийся вперед к свободе отчасти по его призыву. Он погубил много хороших людей, которые хотели продолжать его дело,—и погиб сам.

Как бы то ни было, он всетаки сделал большое дело, и несмотря на великие ошибки второй половины царствования его имя навсегда связано с освобождением крестьян, с новыми судами и выборными земскими и городскими учреждениями.

III.

Александр III.

Сын его ни в чом уже не походил на отца.

Ему говорили, что теперь нельзя уже управлять, не зная нужд народных, и что необходимо призвать выборных от всего народа. Но он послушался других советников, которые его убедили, что его отец погиб именно оттого, что дал свободу.

Вообще Александр III приблизил к себе самых худших, самых ненавистных советников, сам заперся в Гатчинском дзорце, редко показываясь даже в Петер-

бурге, и предоставил министрам уничтожать все хорошее, что оставалось еще от реформ Александра II. Он сократил число выборных от крестьян в земстве, ввел земских начальников, ухудшил новые суды, раздавал бывшим помещикам и дворянству народные деньги, возобновил позорное телесное наказание для крестьян и прямо ненавидел народное образование. На докладах он собственноручно писал: „Беда в том, что мужики отдают детей в гимназию". Его министр народного просвещения Делянов издал чудовищный приказ, чтобы гимназическое начальство опрашивало у учеников, — богаты ли их родители, занимают ли хорошую квартиру и сколько у них прислуги. Это за тем, чтобы детей бедняков удалять из гимназий и не допускать туда „кухаркиных и мужицких сыновей". И царь одобрял эти приказы своими собственноручными резолюциями.

В народе скоро угасла всякая надежда на этого царя, и даже ходоки больше не пытались дойти до него. Он скрылся от народа за глухими стенами своих дворцов, интересовался только жизнью дворян и придворных и удивлял всех незнанием и невниманием к самым важным событиям русской жизни.

Известно, например, что в 1891 — 1892 годах Россию постиг великий голод, какого не было еще со времени Бориса Годунова. Уже в два предыдущие года был неурожай, который повторился и на третий. В своей книге „В голодный год" я приводил отзывы одного священника об этом страшном бедствии. Он писал: „Как священник и проповедник евангельской истины, скажу следующее: идет беда за бедой, погибла жатва в поле, истлели зерна под глыбами земли, опустели житницы, не стало хлеба. Стонет скот и падает, уныло ходят стада волов, томятся овцы. Миллионы деревьев в лесах погорели. Огненная стена и столбы дыма были кругом... Слышится голос пророка Софонии: все истреблю с лица земли, говорит Господь: истреблю людей, скот и зверей, истреблю птиц пернатых и рыб".

Министры старались скрыть и это великое бедствие и отказать народу в помощи. Но выборные люди в земствах заговорили в один голос, так что пришлось

всетаки признать огромную народную беду, пришлось много десятков миллионов выдать на продовольствие и обсеменение. Но это было сделано поздно, и много народу умерло от голода и болезней.

За голодом пришла холера. Она шла из Персии, проникла к нам чрез Астрахань и стала двигаться по Волге. Губернаторы были почти сплош люди совершенно неспособные, мыменькины сынки, которых назначали не для того, чтобы служить народу, а только чтобы выдавать им жалованье. Бакинский губернатор убежал от холеры в кавказские горы. Саратовский, когда народ начал волноваться, спрятался на пароходе. Хуже всего сделал губернатор астраханский: он послал в море сторожевые суда и велел задерживать все подходящие из Персии и Кавказского побережья пароходы и не пускать их в Волгу. Но при этом не послал ни пресной воды, ни хлеба. Задержали, таким образом, в море более 400 пароходов и баржей с людьми здоровыми и больными. Больные умирали, здоровые томились жаждой и голодом, а помощи не было. Наконец, в один день появился от Астрахани пароход. Все смотрели с надеждой, что он везет хлеб и воду, но когда пароход подошол ближе, то оказалось, что на нем привезли... гробы!*).

Это была только неспособность и глупость губернского начальства, но в народе родилась уверенность, что это нарочно приказано докторам морить людей. Когда, наконец, не стало возможности удерживать в море такую массу судов и их пустили в Волгу, то измученные люди кинулись по реке кверху и всюду разнесли весть о своих мучениях и о гробах вместо хлеба. Тогда город за городом стали охватывать холерные бунты. Темный народ поверил злобной выдумке, будто доктора по приказу высшего начальства нарочно морят народ. Кинулись поджигать больницы, избивали сестер милосердия, фельдшеров и врачей, которые с опасностью жизни работали на пользу того же народа.

---

*) Все это описано мною в статье: „Карантин на 9-ти футовом рейде".

После наступило усмирение и военные суды над бунтовщиками. При этом в одном Саратове более 20 человек, повинных только в темноте, было приговорено к смертной казни. Военные суды выяснили позорное поведение губернаторов и постановили доложить об этом высшему начальству.

Казалось, хоть после этого царь узнает, как отличились его ставленники. Вся Россия ждала, что приволжские губернаторы будут преданы суду. Но через некоторое время все, наоборот, с удивлением прочитали царские приказы: и бакинский губернатор, убежавший в горы, и астраханский, распоряжения которого вызвали бунт, и саратовский, спрятавшийся, как последний трус, на пароходе, так что полиция едва его там розыскала,— получили награды. Это показало всей стране, что через вал, которым окружены цари, не могут проникнуть не только тихие мольбы, но даже громкие крики и стоны народа; царь читал только ложные донесения министров и по ним действовал.

И случилось как-раз, что именно в это мрачное время исполнилось 10 лет со времени коронации Александра III, десять лет его якобы „благополучного царствования".

Все лучшие люди России хорошо понимали, какое это благополучие, но у них были зажаты уста, а казенная Россия вся изолгалась, и потому отовсюду шли поздравления.

В Москву царь приехал сам, чтобы лично принять приветствия первопрестольной столицы. В генерал-губернаторском дворце собрались представители дворянства. Царь вышел к ним, и первые слова, которыми он начал речь, были следующие:

—*Слава Богу, десять лет прошли благополучно.*

Люди, присутствовавшие на этом царском приеме, рассказывали, что эти слова о „благополучии" поразили даже высшее дворянство. Присутствующие переглядывались: неужели русский царь считает благополучием голод, холеру, бунты и казни своих подданных.

На следующий день оффициальные телеграммы разнесли эту речь царя во все концы русской земли.

Их читали в изголодавшихся губерниях, читали на Волге, читали всюду, где были грамотные люди в городах и селах. И все узнали, что беда народная недоступна царскому слуху, что он судит о жизни своего отечества лиш по донесениям дворцовой и полицейской охраны. Никто его лично в его дворце не обезпокоил, значит Россия счастлива!...

IV.

Николай II.

В 1894 году Александр III умер. На престол вступил его сын Николай II.

И опять на Руси ожили всегдашние надежды. Говорили, что молодой царь—человек добрый и благожелательный. Передавали, что, принимая проездом из Крыма разные депутации, он говорил о единении „со всеми сословиями“ и о „всей русской земле“ (а не об одном дворянстве).

14 ноября молодой царь женился на гессенской принцессе-немке. По этому поводу опять рассказывали, что в Петербурге во время торжеств полиции не было. Были только войска, конные жандармы и дворники. Это привело народ в такой восторг, что царя встречали и провожали радостными криками, и он имел случай убедиться, что русский народ все еще верит в царей и надеется на него лично. И эта народная надежда охраняла его лучше, чем ряды ненавистной народу полиции. Хотя есть поговорка: добрая слава лежит, худая бежит, но она к царям не относилась. О них, что бы они ни делали, дурная правда молчит, а хвалебная ложь распространяется свободно. И опять по городам и селам, до дальних деревушек, стали зарождаться надежды на царскую правду. Рассказывали, будто молодой царь ходит без охраны по улицам, вступает в разговоры с простыми людьми и студентами, что он не допустит, чтобы вал окружил и его, как всех царей. Заговорили об этом в земских и городских думах.

У земства были свои заботы. Земство—учреждение всесословное, и хотя в нем преобладали дворяне и

богатые землевладельцы, но были и мужики, и выборные от мелких владельцев. Но у земства не было права, которое было у дворянства, — докладывать государям о народных нуждах и жалобах прямо, минуя высших чиновников. И вот теперь на земских собраниях лучшие земские люди заговорили об этой несправедливости и готовились просить, чтобы земству было дано это право.

Первое вздумало ходатайствовать об этом тверское губернское земское собрание. Составили всеподданнейший адрес, он был прочитан и принят собранием, при чом против него пошли только 8 земских начальников. Но местный губернатор поспешил опротестовать постановление собрания, и адрес к докладу царю не допустил. Земцы решили послать адрес на высочайшее имя через министра двора гр. Воронцова-Дашкова. Но и тот не согласился его представить и ответил, что адрес возвращаетея *тому же тверскому губернатору* без рассмотрения. Всесословному учреждению нельзя было пробиться к царю со скромной просьбой. Оно натыкалось всюду на то же чиновничье средостение. И молодой царь уже был окружон валом.

Оставалась еще надежда. В январе был назначен прием депутаций от всей земли с поздравлениями по случаю царского бракосочетания. Земцы решили при поздравлении и подаче хлеба-соли опять повторить свои просьбы и надежды, изложенные в адресе. Но высшее чиновничество тоже готовилось и принимало свои меры. Тогда был еще жив Победоносцев, злейший из советников прежнего царствования, и теперь он овладел всецело новым царем...

Это стало видно уже с ноября 1894 года: полиция опять принялась по-старому усмирять всякое вольное движение. Заволновались студенты. Все говорили о том, что опять начались аресты и высылки без суда, давно опротивевшие всему народу. Но Россия привыкла надеяться, и хотя многие давно поняли сущность самодержавия и смеялись над этими надеждами, но они всетаки жили, и общество ждало чего-то.

19 января 1895 года в Петербург съехались со всех концов представители сословий и учреждений и в

назначенный час явились в царский дворец с хлебом-солью, с благодушными поздравлениями и упованиями. Все знали, что эта минута будет решительной, что новый царь скажет какое-то важное решающее слово.

И он его сказал.

В 12 часов дверь открылась, и царь вышел в залу, наполненную придворными, депутатами от сословий и учреждений. Царь был взволнован и держал в руках фуражку. Пройдя шагов 20, остановился и стал говорить нетвердо и заглядывая в фуражку, где у него лежал клочок бумаги с написанной речью. Впоследствии говорили, что реч была написана Победоносцевым и положена в фуражку, чтобы молодой царь не сбился. Под конец речи он почти кричал нервным взволнованным голосом. И в этом крике молодого царя вся Россия услышала ответ высшего чиновничества на скромную просьбу, изложенную тверскими земцами.

О чем они просили? О, они просили немного! Вот точная выдержка из их адреса:

„Ваше Императорское Величество!

В знаменательные дни *начала служения Вашего русскому народу земство* приветствует Вас приветом верноподданных. Мы питаем надежду, что с высоты престола *будет услышан голос нужды народной*... Что законы будут исполняться неуклонно, как со стороны народа, *так и представителей власти*, ибо закон должен стоять выше случайных видов представителей этой власти... И, наконец: Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений *выражать свое мнение* по вопросам, их касающимся, дабы *до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мысли не одних только представителей администрации* (т.-е. чиновничества), *но и народа русского*".

И это все! Вот с какими смиренными просьбами обращалось всесословное земство к русскому царю в 1895 году. Но высшие чиновники увидели в этом великую для себя опасность. Им не нравилось, что в адресе говорилось о служении царя русскому народу. Они внушали царю, что все отечество должно служить ему, а не он отечеству. Еще хуже казалось им требование,

чтобы они, чиновники, тоже исполняли законы, а самое худое,—чтобы выборные люди могли докладывать хотя бы только о местных делах прямо царю, помимо их. Это значило бы,—думали они,—что средостение будет устранено и до царя будет доходить подлинный голос земли...

И вот старый царедворец подсказал царю ответ русской земле. Речь царя была напечатана во всех газетах. Он закончил ее так: „...Мне известно, что в последнее время слышались голоса людей, увлекающихся *бессмысленными мечтаниями* об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я... буду охранять начало самодержавия так же твердо, как охранял его мой незабвенный покойный родитель".

Надо заметить, что тогда на самодержавие еще никто не покушался и просьба земцев состояла только в том, чтобы не одни чиновники и не одно дворянство имели право обращаться к государю с просьбами и жалобами.

И эта смиренная мольба была названа бессмысленными мечтаниями. То-есть, молодой русский царь объявлял всей России, что он по-прежнему останется царем одного дворянства и чиновничества, а голоса всех остальных сословий выслушивать не желает.

Впечатление от этой речи было так неожиданно, что, подходя с хлебом-солью, один депутат уронил подношение на землю. Кучка предводителей дворянства тотчас после приема отправилась в Казанский собор служить молебен: слава Богу, все останется по старому. И этот царь будет наш.

Но это была именно только кучка. Все земские люди, даже лучшие из дворян, уходили с царского приема с горечью в сердце, с оскорблением в душе. И по всему Петербургу,а затем и по всей России разнеслась весть о том, как русский царь принял своих подданных, подносивших ему хлеб-соль, и как он точно ученик вычитывал по бумажке то, что ему подсказано злым духом царских палат—Победоносцевым. Значит—конец упованиям, конец ребяческим надеждам! России

было сказано откровенно, что надежды на царя—только мечта и при том мечта бессмысленная, что давно уже знали те, кто боролся с самодержавием, кто изведал за это тюрьмы и ссылки.

Теперь к ним примкнуло много людей, доселе еще веривших в старую сказку. Я жил тогда на Волге, где много старообрядцев, людей начитанных в Священном Писании. И один из них, вспоминая библейское сказание о Ровоаме, говорил среди публики на пароходе:

—Да, теперь русский народ скажет, как израильтяне сказали Ровоаму: „Нет нам части в доме Романовых".

Но в простом и темном народе надежда еще жила, и нужно было много тяжолых уроков, чтобы ее разрушить.

Царствование Николая II не поскупилось на эти уроки. Они достались русскому народу страшно тяжело, путем долгих страданий, которые привели Россию на край погибели.

V.

Ходынка.

14 мая 1895 года происходило коронование Николая II и его молодой жены. Цари всегда коронуются в Москве. И на этот раз торжество тоже происходило в Успенском соборе.

Народ по старому радовался, кричал „ура" и наполнял улицы, точно в самом деле ему готовилось Бог весть какое счастье. И царь захотел сделать своему народу подарок на радостях. Было устроено гулянье на огромном Ходынском поле, и народ вперед оповещали, что на память о торжестве добрый царь со своей царицей заготовили для раздачи своим верным подданным кружки с царскими вензелями и портретами. И на эту пустую приманку хлынули сотни тысяч людей из города Москвы и приезжие из других городов и деревень.

Известно было, что высшее распоряжение праздником было поручено, помимо городской думы и даже прежних полицейских, приближенным любимцам нового царя, и те распоряжались, не спрашивая опытных людей, самонадеянно, уверенно и глупо.

День выдался хороший, праздничный. Народу высыпало видимо-невидимо, так что становилось страшно глядеть на это людское море, колыхавшееся точно настоящий океан. Особенная давка происходила около деревянных балаганов, где были выставлены царские подарки. Ожидали сигнала, чтобы броситься к этим балаганам, а в ожидании толпа колыхалась без мысли и воли, точно колосья под ветром. Очевидцы говорили, что уже заранее ужас охватывал от предчувствия беды; уже некоторые падали, кричали дети, женщинам делалось дурно. Наиболее благоразумные старались выбраться из толпы. Но вся толпа была охвачена точно безумием,— желанием получить десятикопеечную царскую бирюльку, чтобы с торжеством принести ее домой и поставить в красный угол под иконами.

И вот сигнал был дан. Толпа кинулась к балаганам. Задние напирали на передних. Передние не могли попасть в тесные проходы. Их прижимали к углам ограды, к стенам, перегибали пополам на барьерах и раздавливали. Раздались нечеловеческие крики. Начался слепой ужас. Кто падал, тот уже не подымался,— его топтали, не глядя и не рассуждая, на смерть... Толпа, не зная, куда податься, кидалась из стороны в сторону. Люди мяли друг друга... Между прочим, кинулись в одну сторону, где была канава, ничем не огражденная. Толкаемые сзади, люди падали друг на друга и задыхались.

Когда это торжество с царскими подарками кончилось,— на площади оказалось множество трупов. Их уложили рядами. Родные узнавали тут своих, и над Ходынкой, над прилегающими к ней местами, над всей Москвой встали плач, стоны, отчаяние...

Так кончился царский праздник с подарками доброму московскому народу. Ждали, что будет наряжено строгое следствие, что будет установлено, по чьей вине случилось это великое несчастье. Конечно, погибших этим не воротиш, но народное чувство нашло бы некоторое удовлетворение в сознании, что и царь также огорчон и разгневан невнимательностью и безпечностью распорядителей, виновных в гибели стольких людей.

Но, — так же, как у его отца, после холерных бунтов, настоящих виновных не нашлось. Царю не хотелось огорчить распорядителей, ему знакомых и известных, и они получили свои награды. Придворные говорили: „Какой добрый наш царь. Он не захотел огорчить распорядителей в эти радостные дни". А горя и отчаяния тех тысяч простых людей, которые на царском празднике потеряли своих жон или мужей, братьев или детей, „добрый царь" не видел и не хотел слышать, и некому было смело сказать ему об этом.

Ходынское бедствие бросило мрачную тень на начало нового царствования. Люди суеверные видели в нем пророческое предзнаменование и дурную примету. Но и люди, не верующие в приметы, тоже качали головами, читая о продолжающихся придворных торжествах. Да, — говорили они, — это дурной знак: как и его отец, новый царь глядит только глазами вельмож и знати и из-за них не видит и не слышит России.

И тогда же новое царствование назвали „кровавым".

VI.

Японская война.—Волнения.—Петербург посылает последних ходоков к царю.—Забастовка 1905 года.—Манифест 17-го октября.

Японская война всем еще памятна.

По почину Николая II было созвано международное совещание в г. Гааге, где разные народы принимали постановления против возможных войн, но скоро наш царь сам нарушил мир и начал войну без надобности и без цели.

И опять это пошло из-за интересов придворных лиц и знати. Некоторые знатные господа выхлопотали себе крупные лесные подряды на реке Ялу, за нашей восточной сибирской границей, в чужой земле, и ввели туда рабочих и переодетых рабочими солдат и казаков. Им это было очень выгодно, но это могло грозить войной, так как раздражало близких соседей-японцев. Об этом некоторые лица предупреждали царя, указывая на опасность войны. Но он опять высказал свою „доброту"

к камергеру Безобразову и его компаньонам, просившим поддержать выгодное для них дело. Кроме того, высшие чиновники говорили царю, что народ требует преобразований и даже крестьянство (в 1902 году) во многих местах волновалось, требуя земли. А победоносная война может надолго смирить народ и задержать его требования... И вот началась война, погубившая сотни тысяч русских людей в далекой, ненужной России, земле. Оказалось кроме того, что чиновничье управление довело все дела до полного расстройства: крепости, которые значились на бумаге готовыми, оказались неготовы, интенданты воровали, военные начальники ссорились между собой, корабли оказались старыми и плохими, и Россия несла поражение за поражением.

Недовольство царским правительством широко разливалось в народе. Чувствовалось, что самодержавие расшатывается. Противники его являются уже не только среди образованных людей, но и в народных массах.

Это, конечно, замечалось и раньше, и правительство принимало свои меры. Против агитации противников царской власти оно повело свою агитацию, для чего заводило рабочие общества, где подкупленные ораторы доказывали рабочим и простому народу, что он должен попрежнему надеяться только на царя и не должен верить его противникам.

Такое Общество было основано сначала в Москве, а потом, в начале 1904 года, и в Петербурге. Оно возникло по почину полиции и священника Гапона и носило название „С.-петербурского Общества фабричных и заводских рабочих“. Одной из целей этого Общества было „отвлечение рабочих от преступной пропаганды“ противников царской власти.

Во главе этого Общества стал священник Георгий Гапон, уроженец Полтавской губернии. Он считался вполне благонадежным. Ему покровительствовали высшие духовные лица и некоторые министры, и он получил полную свободу общения с широкими рабочими кругами, которые массами записывались в новое Общество.

69149

Сначала это начальству нравилось. Гапон был прекрасный оратор. Рабочие плакали, когда он говорил об их тяжолом положении, и приходили в восторг, как дети, когда он советовал надеяться на царя. Толпа жадно ловила каждое его слово. Его речи падали на благодарную почву: он будил ту закоренелую веру в царей, которая искони гнездилась в сердцах простого народа, и обращал народные надежды туда, куда они обращались по привычке, унаследованной от отцов и дедов. И полиция этому не мешала. Число слушателей Гапона и других ораторов росло с страшной быстротой. На собрании сходились заводские рабочие и их жоны, приходили ютившиеся в окраинных кварталах простые люди, простодушные и бедные. И все эти толпы ловили в словах ораторов свои собственные упования. На собраниях становилось так тесно, что некуда было упасть яблоку, и во всей толпе росло волнение оживающих надежд.

Полиция не расчитала однако, что в этом есть тоже большая опасность. Надежду народа можно раздуть в такое пламя, которое потом потушить трудно. Казавшаяся „благонамеренной“ с начальственной точки зрения агитация гапоновцев сеяла ветер, из которого выросла буря. Народ поверил и сделал свои заключения: „Если так, если вся наша надежда в царе, то пойдем к нашему „Надеже-Государю“ и скажем всю правду о народных нуждах и народном горе“. Остановить эту мысль, прорвавшуюся, как буря, из глубины народных душ, уже было невозможно. Она росла, крепла и вскоре выросла в определенное намерение: население рабочих окраин решило еще раз послать своих ходоков к царю, как это делала когда-то мужицкая Русь. Только теперь вместо отдельных посланцев к царскому дворцу должны были двинуться десятки тысяч народа. „Если правильно, что царь — отец, а мы — его дети, то пусть же он нас примет и выслушает“.

В Петербурге все происходившее на рабочих собраниях было известно. Все говорили об этом, все были захвачены и взволнованы, во всех это подымало страшную тревогу. Люди, давно изверившиеся в царскую

власть, давние ее противники так-называемые неблагонадежные, революционеры, студенты старались удержать рабочих, являлись на их собрания и говорили:— „Одумайтесь, не ходите к царю. Это бесполезно. Он вас не примет, не захочет выслушать. Вас встретят выстрелами и штыками". Но рабочие не верили. Они говорили: „Вы—враги царя. Вы не считаете его отцом народа и противитесь его власти. А мы—его дети. Мы ему верим и пойдем к нему, как к отцу, с жонами и детьми. У нас не будет оружия, а впереди пойдет священник с крестом, и мы понесем иконы. Не может быть, чтобы батюшка-царь позволил стрелять в своих безоружных детей".

Тогда наиболее горячие люди, из молодежи и студентов, видя, что им не удержать рабочих, охваченных пламенной верой в царя, захотели пристать к их шествию, назначенному на 9-е января (1905 года). „Будут стрелять, так пусть стреляют и в нас". Но вожаки рабочих не согласились. Они хотели, чтобы было ясно, что тут нет царских противников, а есть только простой народ, верующий и покорный.

Ноч на 9-е января прошла в Петербурге в страшной тревоге. Многие не спали в эту роковую ноч, и когда стало известно, что на утро рабочие все-таки двинутся ко дворцу, то наиболее уважаемые общественные деятели и писатели решились обратиться к министрам и убедить их допустить народ к царю и ни в каком случае не стрелять в безоружную толпу. Они отправились к министру Витте и другим министрам, подняли их в 2 часа ночи и стали умолять предотвратить пролитие крови. Но ничего не добились, сами попали вскоре в Петропавловскую крепость.

На утро началось огромное движение рабочего народа с окраин к центру города, к тому месту, где над Невой красуется Зимний дворец. В этом дворце жил когда-то Александр II. Тут он появился в дни освобождения крестьян и говорил народу с балкона. Сюда с давних времен с тоской и надеждой пробирались мужицкие ходоки, тут бродил когда-то и Федор Богдан, пряча за пазухой прошение и выжидая случая подать его самому

царю. Теперь сюда же медленно двигались тысячи народа со своими упованиями. Они верили: вот они подойдут ко дворцу. Царь выйдет к ним. Они окружат его, как дети окружают отца. Он их выслушает, и они увидят, наконец, того измечтанного народного царя, образ которого целыми веками носился перед умственным взором их отцов, дедов и прадедов...

Вся столица с трепетом ждала, что будет, когда эти мечты столкнутся с суровой действительностью. На окраинах полиция старалась остановить двинувшихся рабочих, но им удалось прорвать или обойти эти преграды. Они рассеивались, обходили заставы и опять сходились в городе. И вот уже на улицах города стали появляться и расти огромные толпы. Среди них действительно были женщины и дети... Впереди шли священники, несли иконы... И эти люди радостно говорили всем, что идут к своему царю, с надеждой на царскую правду...

Тогда случилось то, что предсказывали рабочим их друзья. В разных местах на северной, южной, западной и восточной сторонах от дворца, на далеких расстояниях от него были расставлены войска. Таким образом, царский дворец был как бы опоясан цепью штыков, а через некоторое время по команде он опоясался дымом, огнем выстрелов и кровью...

Самые худшие предсказания врагов царской власти сбылись. Прежним одиночным ходокам отвечали тюрьмой и этапами. Теперь, когда к царю шел весь рабочий народ столицы, ему ответили расстрелом...

Независимой печати было запрещено писать об этом что-либо, кроме лживых оффициальных сведений. Но печать не исполнила этого приказа, и верные известия, несмотря на цензуру, вскоре прорвались на страницы газет и журналов. В „Правительственном Вестнике“ сообщалось, что в больницы доставлено 76 убитых и 233 раненых, но другие газеты писали о тысяче и более одних убитых. Раненых мужчин, женщин и детей было гораздо больше.

Так „кровавый царь“ Николай II Романов повторил московскую Ходынку в Петербурге. В Москве народ

поплатился из-за безпечной погони за царскими подарками. Но там, с другой стороны, было только легкомыслие и небрежность. В Петербурге кровь народа пролита сознательно, по приказу; народ поплатился за ребяческую веру в царскую правду.

Это были последние ходоки русского народа к царю. Правительственные газеты писали, что 9-го января погибли бунтовщики, подкупленные англичанами и японцами. Но никого уже обмануть этим было нельзя. 9-го января убиты не бунтовщики и не крамольники. В этот день убита детская вера простодушного народа в своих царей. Вера эта с того рокового дня больше не воскресала в столице. Да и вся Россия к концу несчастной войны поняла, куда ведет страну самодержавие, и что пора бросить пустые надежды на ходоков, пора прекратить напрасные поиски царской милости. Нужны не ходоки, не смиренные просители о народных нуждах, а постоянные выборные от всего народа, которые должны издавать законы и следить за их выполнением, а царь обязан их выслушивать, как властный голос народа.

Из-за этого во всей стране начались волнения. Они особенно усилились к концу войны и затем выразились в памятной забастовке 1905 года. К ней сразу примкнули железнодорожные рабочие, и движение остановилось по всей России как по мановению волшебного жезла. Поезда точно заснули на маленьких станциях, где их застала забастовка. Паровозы нетопленные стояли на запасных путях; на рельсах от горизонта до горизонта не видно было ни поезда, ни дыма; прекратилась доставка почты, а с 12-го октября смолк и телеграф, так как почтово-телеграфные служащие примкнули к железнодорожникам. В городах остановились заводы и трамваи. Вся жизнь в великой стране прекратилась. Россия стала похожа на сонное царство, о котором говорится в сказке.

Простой народ не сразу и не всюду понял тогда значение этой забастовки. Опять говорили об японцах, англичанах и евреях. Кое-где волновались, потому что прекращение движения нарушает обычную жизнь. Но теперь всем уже ясен смысл забастовки.

Трудовая Россия говорила царю:

— Вы можете ссылать, казнить, усмирять, давить свободолюбивых людей. Не хитрое дело называть стремления народа бессмысленными мечтаниями, отвечать на них тюрьмами, этапами, выстрелами. Но знайте же, что штыками вы не вспашете наших необозримых полей, не пустите в ход сотни тысяч заводских станков, не выучите детей необходимым наукам, не восстановите движения на пространстве великой страны от Балтийского моря до Великого океана. Уничтожить и запретить что угодно вы пока можете, но создать не можете ничего без трудового народа.

Это было так ясно, что даже этот царь, слепой и глухой на голос народа, испугался. Еще недавно называвший бессмысленными мечтаниями скромную просьбу земцев, он 17-го октября 1905 г. издал манифест, которым выборные от народа призывались к законодательству и управлению страной.

Тогда, как и в сказке, заколдованное царство проснулось: опять задымились паровозы, двинулись поезда, заработал телеграф, задвигались на заводах маховые колеса и приводные ремни.

То, чего не могли сделать приказы царя и штыки, сделала надежда на свободу...

VII.

Нарушение обещаний. — Реакция. — Царь-помещик, Россия-вотчина. — Распутин.

Насчастие царей — всегдашняя неискренность и лживость обещаний, даваемых в минуты испуга перед народным движением.

Когда забастовки стихли, царь и его приближенные стали думать о том, как вернуть прежнюю неограниченную власть и прежние порядки.

Я не стану подробно излагать то, что всем еще памятно. В мае собралась первая Государственная Дума. Прежде всего она обратилась к царю с требованием амнистии за политические преступления.

Царь отказал. Дума потребовала также уничтожения полевых судов, приговаривавших десятками к смерт-

ной казни. Министры ответили казнью сразу 8 человек, которые вдобавок, по общему голосу, были осуждены невинно. Таково было начало. Хотя было очевидно, что царь, разделивший якобы полноту власти с народным представительством, уже не есть царь самодержавный, но он не отказался от этого титула, и единственный епископ, Антонин нарвский, который в своей епархии исключил слово „самодержавнейшего", попал в опалу.

Если бы с 1906 года Государственной Думе не помешали работать, то сколько за это время можно было бы сделать, сколько решить важнейших вопросов русской жизни. Первая Дума, хотя собранная на основании несовершенного выборного закона, была все-таки самая лучшая и независимая. Поэтому царь ее распустил и решил собрать вторую, а затем и третью, в которой еще урезал представительство от крестьян, рабочих и вообще широких народных слоев.

Придумывали всякие средства, чтобы в Думу попадали больше дворяне, угодные правительству священники и чиновники. Для этого не останавливались перед угрозами, насилием и беззаконием. Людей, которым народ верил, ссылали без суда и следствия. Кроме того над Государственной Думой стоял еще Государственный Совет, состоявший из высших сановников, частью даже не выборных, а назначаемых самим царем, в котором большинство всегда было обезпечено за министрами. Этот совет задерживал все лучшие законы, вырабатываемые Государственной Думой, и тормазил ее работу. Вот почему за эти 11 — 12 лет Дума сделала для народа так мало. Она была неправильно составлена, и ей еще мешали работать.

Наконец была созвана 4-я Дума. Казалось, она должна быть уже совсем покорна царю и его министрам. Самодержавие возвращалось во всей силе. Романовы всегда смотрели на Россию, как на свою вотчину. Недаром один из них сказал, что он — первый помещик. Его поместье была вся Россия. Министры — простые бурмистры, исполняющие только волю барина. И как в старину в крепостных поместьях бурмистры, льстя и кланяясь хозяевам, ворочали ими как хотели, так и в

России вертели царями приближенные и любимцы. При Николае II это достигло небывалых размеров.

Всем известно имя Распутина. Оно прогремело не только по всей России, но и по всему миру. Да и немудрено. Это былъ сибирский крестьянин, неграмотный, но очень хитрый, пронырливый и ловкий. Он обладал особым уменьем влиять на женщин. Через некоторых духовных лиц и придворных дам он пробрался во дворец и успел убедить царицу в своей особенной силе исцелять болезни. Понемногу он не только втерся в царский дворец, но и овладел волей царицы, которая смотрела на все его глазами. А за нею покорно шол слабовольный царь. И вотъ случилось небывалое и почти невероятное. Пронырливый полуграмотный проходимец стал ворочать судьбами России и даже назначать министров.

Старая поговорка говорит, что сердце царево в руце Божией. Но это однако не мешало тому, что сердце Анны Иоанновны было только в руках Бирона, сердце Екатерины — в руках сменявшихся любимцев, которым она сотнями тысяч закрепощала народ, сердце Александра I—в руках свирепого Аракчеева, который замучивал пытками своих крепостных и солдат военных поселений, сердцем Александра III распоряжался мракобес Победоносцев... А при последнем Романове дело дошло до того, что многіе говорили:

— Теперь у нас царствует не Николай II Романов, а Григорий I Распутин.

VIII.

Великая война. — Требование министерства доверия и борьба с Государственной Думой. — Убийство Распутина великими князьями.

В таком положении полного безвластия и господства случайных людей застала Россию и ее правительство величайшая война, какую когда-либо видел мир. Для нас это была уже не японская война, прогремевшая на дальней сибирской окраине. Теперь неприятель был у самых наших границ. Поэтому и русское общество, когда

война уже разразилась, охватив почти всю Европу и грозя перекинуться в другие части света, отнеслось к ней иначе, чем к японской. Земства и города объединились в союзы, их поддерживала Государственная Дума, и вскоре стало ясно, что общественные учреждения дают незаменимую помощ нашей армии и что без них войну вести невозможно.

Но тут перед всей Россией встал грозный вопрос: армия борется на границах, выборные учреждения стараются помоч ей в тылу, устраивая лазареты, питательные пункты, доставку продовольствия и снарядов, организуя работы на фабриках и заводах. А что же делало царское правительство?

Оно всегда боялось выборных учреждений и теперь мешало общественной работе, стесняло деятельность союзов, упорно арестовывало и ссылало рабочих, которых избирали в военно-промышленные комитеты для помощи в делах обороны. И Государственная Дума, и вся страна громко требовали, чтобы царь сменил своего первого министра Штюрмера и Протопопова, которого провел в министры Распутин, и чтобы был составлен другой совет министров — из людей, которым Россия верит, что они не предадут ее. Они должны давать отчоты во всех своих действиях и в том, что сделано царем по по их совету. Лишившись доверия Государственной Думы, они должны выходить в отставку.

Царь по закону ни за что ни перед кем не отвечал. Так нужно было, чтобы отвечали хоть его советники за те дурные советы, которые они тайно от представителей народа нашоптывают царю.

Царь не хотел и слышать о таком ответственном министерстве. Он хотел по-старому назначать и удалять своих бурмистров только по своей воле, а это значило, что будут продолжаться интриги, подкупы и борьба за власть около Распутина. Плоды такого порядка уже были налицо. Военным министром в начале войны был Сухомлинов. Приближенным последнего был полковник Мясоедов, бывший жандарм, провокатор и сыщик. Еще до войны теперешний военный министр, а тогда депутат Гучков заявил открыто, что Мясоедов подкуплен

иностранной державой и сообщает ей наши военные тайны. Но Сухомлинов не захотел удалить Мясоедова и, когда началась война, для ему важное поручение в действующей армии. И русскіе войска понесли тяжкие поражения в Восточной Пруссии, при чом было очевидно, что кто-то сообщил врагам важные известия. Вскоре открылось, что Мясоедов был действительно давний немецкий шпион. Его уличили в этом и он был повешен с такой торопливостью, точно власти боялись, чтобы он не рассказал чего-нибудь лишнего.

Всем памятно, как наша армия отступала с Карпат без пушек, без снарядов, почти без оружия, отбиваясь от наседавших немцев чуть не голыми руками. После этого царь, наконец, вынужден был удалить Сухомлинова, но всетаки не захотел переменить остальной состав министерства. Дума предъявляла самые скромные требования. Она просила, чтобы царь своею властью назначил „министерство доверия“ из людей, известных Думе и народу, с которыми можно работать.

Николай II поступил наоборот: он стал настойчиво удалять как раз тех министров, которые еще работали в согласии с Думой и общественными учреждениями. Так был удален министр народного просвещения гр. Игнатьев и заменивший Сухомлинова Поливанов. Всем было видно, что удалены они лиш потому, что согласны работать с Государственной Думой. И в этом опять была видна рука царицыной партии и Распутина.

Так самодержавие вступило в открытую борьбу с народным представительством. Дума то и дело отсрочивалась. Ей хотели показать, что если она не смирится, то ее распустят совсем. Но когда стихала Дума, то раздавался голос русской земли: со всех земских собраний, со всех съездов неслись заявления о сочувствии Государственной Думе и ее требованиям. А когда Дума опять собиралась, то было очевидно, что она не намерена смириться. После одного из таких роспусков четвертая Дума заговорила таким решительным языком, к какому цари еще не привыкли, а председателю совета министров Штюрмеру в заседании 1-го ноября прошлого года было прямо брошено обвинение в измене.

Вся Дума, за исключением крайних правых, поддерживала говорившего об этом Милюкова. Самые умеренные депутаты произносили гневные речи, и даже в покорномъ доселе Государственном Совете зазвучали отголоски народного негодования.

Это было так внушительно, что даже при дворе увидели опасность, грозящую престолу Николая II. Заговорили о „темных силах", которые столпились около царя и царицы, даже некоторые министры и придворная знать. Обезпокоились члены царской семьи, видя, что Николай II слепо идет на крушение всей династии. Великие князья говорили и писали об этом царю.

Но царь, как всегда, был глух и слеп к раскатам начинавшейся народной грозы и к испуганным голосам своих близких. Он, правда, удалил Штюрмера, но Распутин властвовал по-прежнему. Князьям казалось, что все зло только в Распутине, и что если его удалить, то опасность исчезнет.

И вот 17-го декабря прошлого года в доме князя Юсупова, женатого на родной племяннице царя, во время пирушки раздался выстрел. Это Распутин был убит близкими родственниками царя, вывезен на автомобиле и спущен в прорубь на Невке. Таким способом партия великих князей, заботясь о судьбе царского дома, пробовала устранить причину великого соблазна.

Но, конечно, князья ошиблись, — дело было не в одном Распутине, а в том порядке, при котором правил страной один человек как безответственный властелин. А когда вдобавок таким властелином оказался человек слабый и неумный, то дело самодержавия было кончено.

Николаю II надо было честно выполнить обещания, данные в 1905 году. У царя было время сделать выбор между его министрами и Россией. Он выбрал министров и старый порядок.

Теперь народу приходилось выбирать между царем и свободой отечества. Народ выбрал родину и свободу.

IX.

Волнения из-за хлеба. — Повторение 9-го января. — Войска становятся на сторону народа. — Отречение царя.

Медлить дольше было нельзя. За это время все дела пришли в ужасное состояние. В столице начинался голод. Женщины простаивали целыми часами в хвостах, чтобы получить кусок хлеба для семьи; некоторым рабочим приходилось тоже или работать голодными, или становиться в хвосты. Народ терял терпение и начинал волноваться. Полиция прибегала к обычным приемам усмирения. К царю обращались последние голоса с предупреждением о необходимости поскорее уступить, чтобы наладить, пока не поздно, общую работу. Ему писали об этом председатель Государственной Думы, некоторые генералы, князья.

Но министры все еще уверяли, что с русским народом при его царелюбии можно делать что угодно: он никогда не отступит от преданности царям. А волнения из-за хлеба надо усмирить силой. Для этого все готово, как было готово 9-го января 1905 года.

Полицию вооружили пулеметами, которые расставили во дворах, на чердаках домов, даже на колокольнях некоторых церквей: нужно было нанести удар, который навел бы ужас не только на Петроград, но и на всю Россию. Нужно было запугать народ и продолжать править, опираясь на страх.

25-го февраля, в воскресный день, когда на главной улице Петрограда, — Невском проспекте, — ходило много народа частью с красными флагами, частью просто любопытных и гуляющих по праздничному, — с одного конца Невского, от Адмиралтейства, раздались выстрелы. Публика кинулась в противоположную сторону, но через некоторое время выстрелы раздались и от Знамения; стреляли вдоль улицы, которая во многих местах обагрилась кровью безоружных. Улица опустела.

Казалось, правительство одержало еще раз легкую победу. Еще несколько таких усмирений, и старое самодержавие водворится опять.

Но слепой и глухой царь забыл, что 12 лет пронеслись над Россией не напрасно, что петроградская рабочая масса уже не та, которая 9-го января 1905 года шла к нему с иконами и покорными просьбами, и войска, даже гвардейские полки, уже не те, которые когда-то залили улицы и площади Москвы кровью восставшего народа.

Правда, солдаты еще раз послушались команды, и роковые выстрелы в безоружных были сделаны. Таким образом, между войском и народом уже легла пролитая кровь и положено начало вражды и раздора, полезных для притеснителей. Когда-нибудь будут описаны все подробности этих дней. Теперь известно только, что, вернувшись в свои казармы, солдаты не спали всю ночь, переживая мучительные движения совести. Вероятно, к ним приходили люди, которые их упрекали за пролитие братской крови и разъясняли истинное положение дел. На утро явился командир, выстроил солдат и поздравил их с „победой“. Может-быть, при этом он обещал награды, может-быть, звал на новые славные подвиги. И при этом не чувствовал, что сам стоит у порога смерти.

Солдаты, вчера еще стрелявшие в толпу, кинулись на него, и он был убит. Солдаты выбежали на улицу и стали звать другие полки к восстанию против кровавого царя и его правительства.

А в эту же ночь подписан царский указ о новом роспуске Государственной Думы.

Но Дума поняла, что если она разойдется, то это будет измена народному делу, и решила не повиноваться роспуску. Она образовала из своих депутатов комитет, который вскоре и образовал временное правительство.

Это утро было решительным для России. Выборная Дума стояла против царя, изменившего обещаниям и пожелавшего вернуть старое самодержавие. Восставшие части гарнизона ее поддерживали, народ — тоже. За кем пойдут остальные войска? Можно было ждать, что хоть некоторые части станут на сторону старого правительства и тогда столица будет залита братской

кровью на радость неприятелю... Но этого не случилось: один полк за другим с офицерами, с развернутыми знаменами и музыкой подходили к Таврическому дворцу, но не за тем, чтобы разгонять непокорных депутатов, а чтобы защищать временное правительство.

Стало очевидно, что мера преступлений самодержавия против народа переполнилась: за Петроградом отложилась от царя Москва, а за нею — и вся Россия. Кроме полиции и жандармов никто не поднялся на его защиту. Министры были арестованы и заключены сначала в Таврическом дворце, а потом переведены в Петропавловскую крепость, где ждут суда за свои преступления против народа. Все поняли, что пришол в России великий ослушный час, и первое же дыхание народной бури смело царскую власть без остатка.

Приверженцы Николая II напрасно пробовали двинуть на восставшую столицу некоторые полки с фронта. Те или не шли, или, придя, тотчас же братались с народом и восставшими товарищами. Царь попытался опять привлеч народ обещаниями. Он уже соглашался удалить своих министров и дать ответственное министерство. Но события говорили ему: поздно! Страна, не верит обещаниям, которые вы так нечестно нарушили в 1905 году.

2-го марта Николай II отрекся от престола за себя и за сына. Он передал свою власть великому князю Михаилу Александровичу. Но и Михаил Александрович тоже отказался принять власть без согласия Учредительного Собрания, так как было очевидно, что восставший народ не подчинится теперь никому из Романовых.

Так кончилось царство этого дома. Триста лет назад, при звоне колоколов, при кликах народа первый Романов вступил в Москву. Теперь при таком же ликовании всего народа Россия низложила последнего представителя этого дома, и власть опять в руках народа. Тогда был земский собор, теперь предстоит Учредительное Собрание, которое установит будущую форму правления Русским государством. Каково будет это решение земского собора, на котором русские граждане призываются высказаться вольными голосами?

Царское правительство привело Россию на край гибели. Настоящая историческая минута решит нашу судьбу на много десятилетий, — быть может, на целые века. Нужно много мудрости, чтобы прекратить внутри страны разногласия, опасные споры из-за власти и междуусобия. Нужно, чтобы Россия единой душой и единым сердцем стала на стороне своей независимости. Она уже заявила всему миру, что она не стремится к завоеваниям для себя, что она готова протянуть руку для заключения мира. Но до тех пор, пока родине грозит нашествие и гибель ее молодой свободы, она должна стоять в полной готовности для отражения великой опасности.

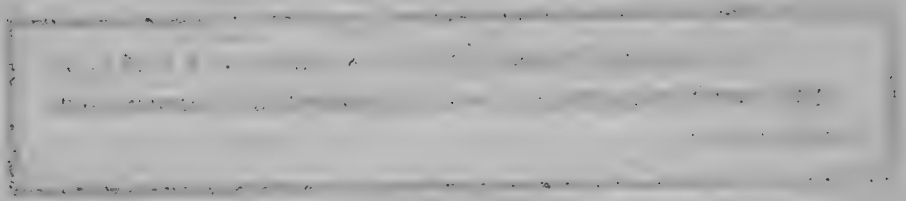
Царской власти нет уже доли в этом великом и трудном общенародном деле. Не будет ей доли и в счастливом будущем после грозы. Россия слишком долго верила в царей, слишком долго и напрасно надеялась. Последний Романов отучил ее от этих наивных упований, и теперь со всех концов нашей родины, из городов и сел, из столиц и деревень несется, повидимому, общий единодушный крик:

„Да здравствует народное правление!.. Да здравствует демократическая республика!“

Владимир Короленко.

Библиотека Института В. И. Ленина

Все издания Кружка С.В.О.Д. печатаются с 1914 г. по упрощенной орфографии, ныне принятой временным правительством.



16. Против смертной казни. М. 1917 г. 8 стр. Ц. 6 к.
17. *В. Г. Короленко:* Падение царской власти. С портретом автора. М. 1917 г. 32 стр. Ц. 35 к.
18. *К. Н. Вентцель:* Школа и государство. М. 1917 г. 8 стр. Ц. 15 к.
19. „ Уничтожение тюрем. М. 1917 г. 16 стр. Ц. 25 к.
20. „ Свободный Родительский Университет. М. 1917 г. 8 стр. Ц. 15 к.
21. „ Детский Дом. 2-ое изд., переработанное. М. 1917 г. 12 стр. Ц. 20 к.
22. *Л. Н. Толстой:* О религиозном воспитании. М. 1917 г. 4 стр. Ц. 10 к.
23. *д-р А. Н. Сысин:* Охрана здоровья городского населения. М. 1917 г. 32 стр. Ц. 40 к.
24. *Н. М. Швайцар:* Педагоги и общественность (Исчез-ли „футляр"?). М. 1917 г. 24 стр. Ц. 35 к.
25. *Л. Н. Толстой:* Мысли о войне. М. 1917 г. 24 стр. Ц. 35 к.

Печатаются:

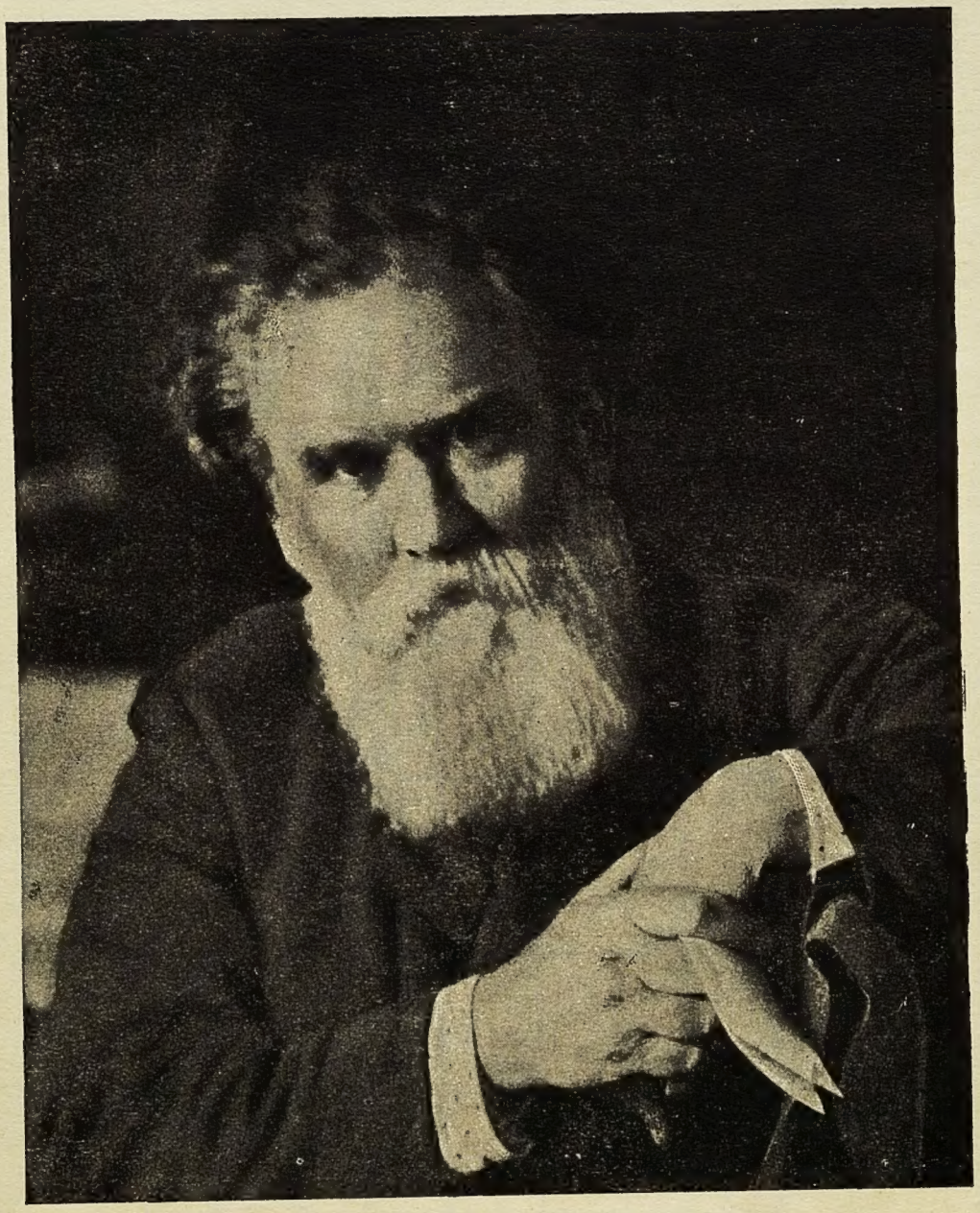
26. *К. Н. Вентцель.* Лев Толстой и война.
27. „ Декларация прав ребенка.
28. „ Декларация прав человека и гражданина.
29. „ Освобождение человека.
30. *Н. М. Швайцар:* Маленькие мысли о большом съезде (О съезде по семейному воспитанию).
31. *д-р С. М. Швайцар:* Врачебная помощ на дому.
32. *Л. С. Тезавровская:* Народный Детский Сад Кружка (Жизнь сада и дневник). 2-ое изд., дополн. и переработанное.
33. *Н. М. Швайцар:* О вреде елок и подарков. 2-ое изд., дополненное.

ЧРЕЗ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Сущность упрощенной орфографии:

1. устранение букв *ѣ, ѳ i, ѵ, ъ;* устранение *ь* в конце слов перед *ж, ч, ш, щ.*
2. в приставках *без, из, воз, раз, через, низ,* — перед глухими согласными *(п, ф, т, с, ш, к, х, ч, ц, щ)* всегда писать *с.*
3. в окончании родит. падежа имен прилагательных, местоимений и причастий муж. и сред. рода — писать *ого, его..*
4. в окончании именит. и винит. падежей множ. числа имен прилагательных, местоимений и причастий употреблять для всех родов безразлично написание *ые, ие.*
5. написание *они, одни* считать пригодным для всех трех родов.
6. написание *ее* употреблять как в винит., так и в родит падеже.
7. упрощение правил переноса.

К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.



Вл. Короленко